

For

Оливер Голдсмит

Вэксфильдский священник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18035475

Аннотация

«Вэксфильдский священник» – самый известный роман английского прозаика, поэта и драматурга Оливера Голдсмита (англ. Oliver Goldsmith, 1730-1774). *** Пастор Чарльз Примроз ведет безмятежное существование на лоне природы. Идиллии четы Примроз, однако, приходит конец, когда пастор узнает о банкротстве купца, заведовавшего их состоянием... Другими знаменитыми произведениями писателя являются «Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке», «Путешественник», «Покинутая деревня» и «Ночь ошибок, или Унижение паче гордости». Ирландец по национальности, Оливер Голдсмит занимает почетное место в литературе английского сентиментализма.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
I	5
II	7
III	9
IV	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Оливер Голдсмит ВЭКФИЛЬДСКИЙ СВЯЩЕННИК

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге сотня недостатков и можно привести сотню доказательств того, что в них-то и вся прелесть. Книга может быть очень занимательной при множестве ошибок, и может быть очень скучна, хотя бы в ней не встречалось нелепостей. Герой предлагаемого рассказа соединяет в своей особе три важнейших роли на земле: он служитель алтаря, земледелец и отец семейства. Он призван одинаково учить других, и подчиняться поучениям; живя в довольстве, он прост, в несчастьи – величествен. В наше время усиленной роскоши и утонченности нравов может ли такой тип понравиться публике? Охотники до великосветской жизни с пренебрежением отвернутся от его скромного домашнего очага на лоне сельской простоты, любители сальных шуток не найдут никакого остроумия в его безобидной болтовне, а люди, привыкшие насмешливо относиться к религии, посмеются над человеком, который главную опору своего счастья видит в будущей жизни.

Оливер Гольдсмит.

I

Описание Вэкфильдского семейства, в котором преобладает фамильное сходство, как в нравственном, так и в физическом отношении.

Я всегда был того мнения, что честный человек, который женится и воспитывает многочисленное семейство, приносит гораздо больше пользы, чем тот, кто остается холостым и только говорит о народонаселении. По этой причине не прошло и года с тех пор, как меня рукоположили в священники, как я уже начал серьезно подумывать о женитьбе и выбрал себе жену по тому же рецепту, как она выбрала материю на свое венчальное платье, то есть, не за красивую блестящую внешность, а за более прочные качества. Надо отдать ей справедливость, она была женщина замечательная, с отличным характером; что же касается до ее талантов, то лишь немногие деревенские леди могли ее превзойти их числом. Она могла читать довольно бегло любую английскую книгу, а что касается до приготовления пикулей, консервов и до стряпни, в этом никто не мог с нею сравниться. Она очень гордилась также и тем, что была удивительно расчетливой хозяйкой; впрочем, я что-то не замечал, чтобы мы богатели от ее расчетливости.

Как бы то ни было, мы нежно любили друг друга, и наша привязанность все возрастала с годами. Да нам и не за что было сердиться ни друг на друга, ни на других. У нас был изящный дом в очень красивой местности и хорошее соседство. Целый год проходил у нас то в нравственных, то в идиллических увеселениях; мы ездили в гости к богатым соседям и помогали бедным. Никаких революций мы не боялись, томить себя работой не приходилось, и все наши приключения происходили у домашнего очага, а странствовать случалось нам только с голубой кровати на коричневую.

Так как мы жили близко от большой дороги, к нам часто заходили путешественники и чужие люди, чтобы отвесть смородинной наливки, которая у нас очень славилась, и, в качестве достоверного историка, я должен сказать, что она всем приходилась по вкусу. Наши родственники, даже и самые отдаленные, помнили свое родство без всякой помощи департамента герольдии и также часто нас навещали. Некоторые из них приносили нам не особенно много чести своими родственными притязаниями, так как в числе их были у нас и слепые, и увечные, и хромые. Несмотря на это, моя жена всегда настаивала на том, чтобы они сидели с нами за одним столом, так как были одной с ними плоти и крови. Поэтому нас постоянно окружали хоть и не очень богатые, но зато очень довольные люди; вообще следует заметить по этому поводу, что чем беднее гость, тем он довольнее угощением, а я уж так уродился, что любуюсь довольными, счастливыми лицами, как иные любят красками тюльпана или крыльями мотылька. Впрочем, если кто-нибудь из наших родных оказывался дурным человеком, беспокойным гостем или вообще таким, что мы хотели от него избавиться, то, когда он уезжал из нашего дома, я спешил ссудить ему теплое пальто или пару сапог, а не то дешевую лошадь, и всегда с удовольствием убеждался, что после того он уже никогда не возвращался, чтобы отдать то, что взял взаймы. Таким образом, мы избавлялись от тех, кто нам не нравился, но зато никто никогда не слыхивал, чтобы Вэкфильдское семейство выгнало из своего дома странника или неимущего бедняка.

Так жили мы много лет в совершенном счастье, хотя, конечно, иной раз и нам доставались кое-какие щелчки, которые посылает Провидение, чтобы еще увеличить цену своих благодетелей. Ученики сельской школы часто воровали фрукты у меня в саду, а кошки и ребята поедали простоквашу у жены на погребе. Иногда сквайр засыпал в самых красноречивых местах моей проповеди, а его супруга очень кисло отвечала на любезности моей жены в церкви. Но мы скоро забывали неприятное впечатление, произведенное на нас подобными

мелочами, а дня через три или четыре начинали даже удивляться тому, как они могли нас огорчать.

Дети мои, рожденные в течение воздержной, умеренной жизни, росли в ласке и холе, а потому были здоровы и хорошо сложены; сыновья крепкие и деятельные, дочери красивые и цветущие. Когда вокруг меня собирались мои дети, обещавшие быть опорой моей старости, я не мог удержаться, чтобы не вспомнить знаменитого анекдота про графа Абенсбурга: «Когда Генрих II проезжал через Германию и придворные явились к нему со своими сокровищами, он привел своих тридцать двух детей, и представил своему повелителю, как самое ценное приношение, которое он только мог сделать». Точно также и я, хотя у меня было всего шестеро детей, находил, что в лице их я сделал очень ценный подарок моей родине и считал, что она у меня в долгу. Нашего старшего сына назвали Джорджем в честь его дяди, который оставил нам десять тысяч фунтов. Второго ребенка, девочку, я хотел назвать, в честь тетки, Гриссель; но моя жена, которая все время, пока была беременна, читала романы, настояла на том, чтобы назвать ее Оливией. Меньше чем через год у нас родилась вторая девочка, и на этот раз я совсем уже решил, что ее назовут Гриссель; но тут одной богатой родственнице пришла фантазия ее крестить, и по ее распоряжению ее назвали Софией, так что у нас в семье оказалось два романтических имени; но я торжественно заверяю, что я тут ни причем. Затем родился у нас Моисей, а через двенадцать лет после того еще двое сыновей.

Я не стану отрицать, что всегда радовался при виде своих малюток; но радость и тщеславие моей жены были еще сильнее моих. Бывало, когда кто-нибудь из гостей скажет:

— Честное слово, миссис Примроз, у вас самые красивые дети во всем краю.

То она сейчас же ответит:

— Точно, сосед, уж так их создал Господь: и хороши, и пригожи.

И потом велит девочкам поднять головы; а, к слову сказать, они и точно были очень красивы. Для меня внешность так мало значит, что я бы, пожалуй, даже и забыл упомянуть об этом обстоятельстве, если бы о нем не говорили во всем краю. Оливия, которой было теперь около восемнадцати лет, отличалась той пышной красотой, которою живописцы всегда наделяют Гебу: откровенная, живая, повелительная. Красота Софии не так бросалась в глаза, но часто производила более прочное впечатление, потому что она была кротка, скромна и привлекательна. Первая побеждала сразу, одним ударом, вторая посредством успешных, постоянно возобновляемых усилий.

Характер женщины обыкновенно вырабатывается соответственно ее наружности, по крайней мере, так оно было у моих дочерей. Оливия хотела иметь множество поклонников, а София желала прочно привязать к себе одного. Оливия до такой степени старалась нравиться, что часто была неестественна; София так боялась кого-нибудь обидеть, что скрывала свое превосходство. Одна радовала меня своей живостью, когда я был весел, другая своей разумностью, когда я был в серьезном настроении. Но ни та, ни другая не доводили этих качеств до крайности, и часто случалось, что они менялись характерами на целый день. Траурное платье превращало мою кокетку в скромницу, а новые ленты сообщали ее сестре более естественную живость. Мой старший сын, Джордж, воспитывался в Оксфорде, так как я предназначал его к ученой профессии. Второй сын, Моисей, которого я собирался определить по торговой части, получил весьма смешанное образование дома. Впрочем, нечего и пытаться описывать особенности характера молодых людей, которые почти не видали света. Короче сказать, во всех преобладало семейное сходство; в сущности говоря, у них у всех был один и тот же характер: все были одинаково великодушны, доверчивы, просты и незлобивы.

II

Семейные бедствия. — От потери состояния гордость достойного человека только увеличивается.

Мирские заботы о семье предоставлены были главным образом моей жене; что же касается духовных, то я всецело взял их на себя. Мое место приносило всего тридцать-пять фунтов в год, и я предоставлял его в пользу вдов и сирот духовного звания нашей епархии, так как у меня было свое собственное, вполне достаточное состояние, о мирской суете я не беспокоился и чувствовал тайное удовольствие при мысли, что исполняю свои обязанности безвозмездно. Сверх того, я твердо решил не держать кюрата, знакомиться со всеми своими прихожанами и убеждать всех женатых людей быть воздержными, а всех холостых жениться; так что через несколько лет в наших местах вошло в поговорку, что в Вэкфильдском приходе воочию совершаются три неслыханных чуда: священник — не гордец, молодые люди спешат под венец, а пивным приходит конец.

Брак всегда был одною из любопытнейших моих тем и я сочинил несколько проповедей, чтобы доказать, какое это счастливое состояние; но тут было еще одно особенное положение, которое я всегда настойчиво поддерживал: я разделял мнение Уистона, что священнослужитель английской церкви не должен жениться во второй раз после смерти первой жены; короче говоря, гордился тем, что придерживаюсь строгой моногамии.

Я очень рано принялся за разрешение этого важного спорного вопроса, по поводу которого уже написано так много обширных сочинений. Я сам напечатал несколько трактатов по тому же предмету, но их никто не покупал, и я утешался тем, что, стало быть, их читают только немногие счастливы. Некоторые из моих друзей уверяли, что это моя слабость; но, увы! они никогда дома не раздумывали об этом предмете, как я. И чем больше я о нем думал, тем важнее он мне представлялся; я даже превзошел самого Уистона, исповедуя свои принципы: он надписал на могиле своей жены, что она была единственною женою Уильяма Уистона, а я сочинил подобную эпитафию для своей жены при ее жизни, восхваляя ее за то, что она до самой смерти всегда была осмотрительна, экономна и покорна; велел хорошенько выгравировать эту надпись, вставить ее в изящную рамку и повесить над камином, чем достигал зараз нескольких полезных целей. Надпись напоминала жене об ее обязанностях по отношению ко мне и о моей верности, возбуждала в ней стремление к известности и постоянно наводила ее на мысль о грядущей кончине.

Очень может быть, что мой старший сын, наслушавшись от меня о том, что следует поскорее жениться, оттого и поторопился, и тотчас по выходе из университета остановил свой выбор на дочери соседнего священника, который был важным лицом среди духовенства и мог наградить свою дочь большим состоянием; но состояние было малейшим из ее прекрасных качеств. Все решительно (кроме моих дочерей) находили, что мисс Арабелла Уильмот очень хорошенькая девушка. Ее молодости, здоровью и невинности придавали еще большую прелесть такой удивительно-нежный цвет лица и такой сияющий задушевный взгляд, что даже старики не могли равнодушно на нее смотреть. Мистер Уильмот знал, что я могу очень хорошо обеспечить моего сына, и потому не противился этому браку, так что оба наши семейства жили во взаимном согласии, которое обыкновенно предшествует ожидаемому союзу. Зная по опыту, что время ухаживаний перед свадьбой самое счастливое время нашей жизни, я был не прочь продлить его подольше, а разнообразные увеселения, которыми ежедневно пользовались молодые люди в обществе друг друга, казалось, только увеличивали их взаимную страсть. По утрам нас обыкновенно будила музыка, а в хорошую погоду мы ездили на охоту. Часы между завтраком и обедом дамы посвящали чтению и нарядам: прочтут страничку-другую, а потом начнут вертеться перед зеркалом, а зеркало

часто представляет прекраснейшую из страниц, с чем могут соглашаться даже и философы. За столом председательствовала моя жена, так как она непременно хотела разрезывать все сама, как делала ее мать, и по этому поводу рассказывала нам историю каждого блюда. После обеда я всегда приказывал уносить стол, чтобы дамы от нас не уходили, и иногда мои дочери давали нам очень приятные концерты при содействии своего учителя музыки. Прогулка, чаепитие, деревенские танцы и игра в фанты помогали коротать день без помощи карт, так как я терпеть не мог карточных игр, кроме триктрака, в который мы иной раз играли с моим старым другом по два пенни за партию. Тут кстати необходимо упомянуть об одном знаменательном обстоятельстве, которое случилось со мною в последний раз, как мы с ним играли: мне оставалось только покрыть четверку, а я пошел с туза и двойки пять раз подряд.

Таким образом, прошло несколько месяцев, пока, наконец, не нашли нужным назначить день для свадьбы молодой четы, которая, по-видимому, очень этого желала. Я не стану описывать, с каким важным видом хлопотала моя жена и как лукаво поглядывали мои дочки во время приготовлений к свадьбе; все мое внимание было сосредоточено на другом предмете, а именно, на окончании нового трактата, который я вскоре намеревался выпустить в защиту моего любимого принципа. Так как я считал его лучшим своим произведением и по стилю, и по доказательности, то не мог удержаться, чтобы не показать его с гордостью своему старому другу Уильмоту, так как не сомневался в его одобрении; но вскоре убедился, хотя уже слишком поздно, что он был страстно привержен к противоположному мнению, и притом по весьма уважительной причине, так как именно в это самое время собирався жениться в четвертый раз. Как и следовало ожидать, у нас произошло по этому поводу довольно неприятное столкновение, которое грозило нарушить предполагавшийся между нами союз, но накануне дня, назначенного для брачной церемонии, мы решились обсуждать этот вопрос только в широком смысле.

Спор велся очень умно с обеих сторон; он утверждал, что я еретик, я отвергал это обвинение; он возражал, я отвечал. Тем временем, когда наш спор был в самом разгаре, меня вызвал один из моих родственников и с озабоченным видом попросил меня отложить спор, по крайней мере, хоть до тех пор, пока не кончится свадьба.

– Как! – воскликнул я: – чтобы я отступился от правого дела и допустил его еще раз жениться, когда он уже и без того дошел до крайних пределов нелепости? Так уж вы заодно посоветуйте мне отдать все свое состояние для большей убедительности.

– К сожалению, я должен вам сообщить, – возразил мой друг, – что ваше состояние равняется теперь почти что нулю. Банкир, у которого были ваши деньги, скрылся, чтобы избежать банкротства, и все думают, что в кассе у него не осталось ни одного шиллинга. Я не хотел тревожить этим известием ни вас, ни вашего семейства, пока свадьба не состоится; но теперь вижу, что оно может несколько умерить ваш пыл в затеянном вами споре, и что собственная ваша осторожность поневоле заставит вас его прекратить, по крайней мере, хоть до тех пор, пока состояние молодой леди не будет обеспечено за вашим сыном.

– Ну, – возразил я, – если то, что вы мне сказали, действительно правда, и мне придется быть нищим, я никогда не сделаюсь из-за этого негодяем и не отступлюсь от своих принципов. Я сию же минуту пойду и всем расскажу о своем положении; а что касается до нашего спора, я возьму назад даже и прежние уступки, какие я сделал в пользу старого джентльмена, и теперь ни за что не допущу его вступить в брак ни в каком смысле.

Нечего и описывать разнообразных чувств, овладевших обоими семействами, когда я сообщил о постигшем нас несчастье; но что бы ни чувствовали другие, это было ничто в сравнении с тем, что испытывали влюбленные. Мистер Уильмот, который и без того сильно склонялся в пользу разрыва, совершенно решился вследствие этого удара; из всех добродетелей он бесспорно обладал в совершенстве осторожностью; и часто бывает, что это единственная добродетель, которая остается у человека в семьдесят два года.

III

Переселение. — Оказывается, что счастливые обстоятельства нашей жизни зависят от нас самих.

Единственная наша надежда была на то, что сведения о нашем несчастье были злоумышленно преувеличены или преждевременны, но письмо моего городского поверенного скоро подтвердило его на всех подробностях. Для меня лично потеря состояния ничего не значила; я тревожился только за семью, которой предстояло испытать унижение, тогда как воспитание не подготовило ее к тому, чтобы равнодушно переносить презрение.

Прошло около двух недель, прежде чем я попробовал умерить их печаль, так как я нахожу, что преждевременное утешение только напоминает горе. В течение этого времени я придумывал, какими средствами буду я содержать семью; наконец, мне предложили небольшой приход, приносящий пятнадцать фунтов в год, в глухом местечке, где я мог спокойно жить согласно моим принципам. Я с радостью согласился на это предложение, решившись увеличивать свой заработок, занимаясь хозяйством и заведя маленькую ферму. Приняв это решение, я занялся приведением в порядок своих денежных дел: сосчитал все свои долги и уплатил их, после чего из четырнадцати тысяч фунтов у нас осталось всего четыреста. Затем главной моей заботой было то, чтобы убедить семью умерить свои требования соответственно с обстоятельствами, так как я очень хорошо знал, что положение бедных людей, стремящихся жить не по средствам, сущее бедствие.

— Вы, конечно, знаете, дети, — сказал я, — что мы с вами не могли предотвратить свое несчастье, и что оно не зависело от нашей осторожности, но теперь, при помощи осторожности, мы можем сделать многое, чтобы оградить себя от его последствий. Теперь мы бедны, мои дорогие, и здравый смысл заставляет нас приноровиться к своему скромному положению. Так откажемся без ропота от всех этих великолепий, с которыми многие люди все-таки бывают несчастны, и постараемся в бедной доле обрести тот мир, при котором все могут быть счастливы. Ведь живут же без нашей помощи бедные люди, и бывают довольны, так отчего же и нам не попробовать обойтись без их помощи! Нет, дети, оставим мы с этой минуты всякие претензии на барство, у нас еще довольно осталось для того, чтобы быть счастливыми, если мы умно распорядимся и постараемся вознаградить себя за недостаток состояния, поддерживая в себе довольное чувство.

Так как мой старший сын получил высшее образование, я решил отправить его в город, где бы он мог содержать себя и помогать нам при помощи своих способностей. Разлука между друзьями и близкими едва ли не самое тяжелое обстоятельство, сопряженное с бедностью. Скоро настал тот день, в который нам предстояло впервые разъехаться в разные стороны. Простившись с матерью и с остальными членами семьи, мешавшими слезы с поцелуями, сын мой пришел попросить у меня благословения. Я дал ему это благословение от всего сердца и прибавил к нему еще пять гиней: и это все, что я мог ему дать тогда.

— Ты отправляешься в Лондон пешком, дитя мое, — сказал я ему: — совершенно так же, как отправлялся туда в старые годы Гукер, один из твоих предков. Вот тот самый конь, которого подарил ему на дорогу добрый епископ Джуэль. Это палка, возьми ее, да захвати с собою еще вот эту книгу и пусть она служит тебе поддержкою в пути. Эти две строчки в ней стоят миллионы: «Я был молод и состарился; но никогда не видал праведного человека покинутым, или детей его лишенными насущного хлеба». Утешайся этими мыслями, сын мой. Теперь ступай. Что бы ни было с тобою, доставляй мне случай повидать тебя хоть раз в год. Не падай духом и будь здоров!

Зная, что он честен и прямодушен, я не побоялся пустить его на арену жизни без всяких средств, ибо был уверен, что, так или иначе, выйдет ли он победителем или будет побежден, но роль свою сыграет хорошо.

Вслед за ним и мы стали собираться в путь и через несколько дней покинули места, где пережили так много часов тихого счастья; подобные расставания всегда тяжелы и вряд ли могут обходиться без слез. Нам предстояло переселяться за семьдесят миль, тогда как моя семья от роду не бывала дальше десяти от дому, и такое путешествие наполняло сердца наши тоской и тревогою, которая еще усиливалась при виде плачущих бедняков моего прихода, провожавших нас на протяжении нескольких миль. К вечеру первого дня пути мы благополучно проехали сорок миль и остановились переночевать в скромном деревенском трактире за тридцать миль от места нашего будущего жительства. Заняв отведенную нам комнату, я, по своему обыкновению, пригласил хозяина присоединиться к нашей трапезе, на что он охотно согласился, зная, что на завтра поставит мне на счет то, что сегодня вместе со мною выпьет. Впрочем, он отлично знал всех наших будущих соседей и в особенности сквайра Торнчиля, нашего помещика, жившего тут же, поблизости. Судя по отзывам трактирщика, этот джентльмен признавал в жизни одни только удовольствия и отличался своим пристрастием к прекрасному полу. Он утверждал, что никакая добродетель не в силах была устоять против его искусства и настойчивости, и что на десять миль в окружности едва ли оставалась хоть одна фермерская дочка, которую он не успел бы прельстить и затем бросить. Такой отзыв несколько огорчил меня, но на дочерей моих он произвел совсем другое впечатление: они просияли, как бы с торжеством ожидая победы, да и жена моя не менее была уверена в могуществе их прелестей и добродетели. Пока мы, каждый на свой лад, обдумывали эти обстоятельства, пришла жена трактирщика и сообщила своему мужу, что неизвестный джентльмен, уже два дня проживавший в их доме, сидит без денег и отказался платить по предъявленному ему счету.

— Как без денег! — возразил хозяин, — этого быть не может; не дальше как вчера он дал три гинеи сторожу, чтобы отпустили старого инвалида, приговоренного к сечению розгами за кражу собаки.

Но так как хозяйка продолжала настаивать на первоначальном показании, трактирщик встал и, громко поклявшись, что, так или иначе, добьется уплаты, собрался уже уходить из комнаты, когда я остановил его, прося познакомить меня с человеком, способным на столь великое милосердие. На это хозяин согласился и тотчас привел джентльмена лет тридцати, одетого в поношенное платье, еще носившее следы прежних украшений. Он был хорошо сложен, а лицо его изобличало человека мыслящего. Судя по манере, несколько сухой и отрывистой, он был не светский человек, или же презирал всякие церемонии. Когда трактирщик ушел, я обратился к незнакомцу с уверением, что весьма сожалею, видя джентльмена в подобных обстоятельствах, и предложил ему свой кошелек, чтобы выручить его из затруднения.

— От всего сердца принимаю ваше предложение, сэр, — ответил он, — и даже радуюсь, что, истратив по рассеянности все, что имел с собою, я тем самым приобрел случай убедиться, что на свете еще водятся и такие люди, как вы. Но предварительно позвольте узнать имя и адрес моего благодетеля, дабы я мог расплатиться как можно скорее.

Я поспешил удовлетворить его желанию, сообщил не только свое имя и историю своих злоключений, но также и название того места, куда мы отправлялись.

— Вот счастливый случай! — воскликнул он: — я и сам направляюсь в ту же сторону и задержался эти два дня из-за разлива рек, но надеюсь, что завтра уже можно будет переправляться вброд.

Я сказал, что его общество доставит нам величайшее удовольствие, жена моя и дочери присоединили свои уверения, и мы упросили его поужинать с нами. Гость оказался очень

приятным собеседником и разговор его даже настолько поучительным, что я искренно желал продолжения нашего знакомства. Но пора было подумать об отдыхе и о подкреплении сил перед утомительным путем, предстоявшим нам на завтра.

На другой день мы пустились в дорогу все вместе, моя семья верхом на лошадях, а мистер Борчель – новый наш знакомый – пешком. Он шел по тропинке вдоль большой дороги и, с улыбкою глядя на наших плохих коней, уверял, что только из великодушия не хочет обогнать нас. Так как реки все еще не вошли в берега, мы принуждены были нанять проводника, который ехал впереди каравана, между тем как мистер Борчель и я замыкали шествие. Мы коротали время философскими рассуждениями, в которых мой новый приятель оказался большим мастером. Но всего больше удивляло меня то, что он спорил со мною и отстаивал свои убеждения с таким упорством, как если бы не он занял у меня денег, а я у него. От времени до времени он сообщал мне также, кому принадлежали различные поместья, которые расположены были по дороге.

– А вот это, – сказал он, указывая на великолепное жилище, стоявшее в отдалении, – дом мистера Торнчиля, молодого человека, располагающего большими средствами, но, впрочем, состоящего в полной зависимости от своего дяди, сэра Уильяма Торнчиля. Что до этого джентльмена, то сам он довольствуется немногим, остальное предоставляет племяннику и живет больше в Лондон.

– Как! – воскликнул я, – неужели мой будущий патрон приходится родным племянником тому самому человеку, который так прославился своими высокими качествами, щедростью и странностями? Я много слышал о сэре Уильяме Торнчиле: это, говорят, человек редкого великодушия, но совершеннейший чудака; притом щедрость его необыкновенна.

– Да, в этом отношении он дошел, кажется, до излишества, – возразил мистер Борчель, – по крайней мере, в молодости он был через чур староват; страсти были в нем сильны, а так как все они направлены были к добру, то и довели его до романических крайностей. С ранних лет ему хотелось достигнуть высших качеств военного и ученого; он вскоре отличился в полку и между людьми науки также приобрел довольно лестную репутацию. Но лесть – всегдашний удел честолюбивых, ибо они особенно чувствительны к похвалам. И вот его окружила толпа людей, которые были ему известны лишь одной стороной своего характера, так что в погони за всеобщей любовью он совсем упустил из вида личность каждого человека. Он любил весь род человеческий; богатство мешало ему распознавать в людской среде мошенников. В медицине известна такая болезнь, во время которой все тело становится необыкновенно чувствительным, так что от малейшего прикосновения ощущается сильнейшая боль; нечто подобное случилось и с этим джентльменом, но только он не телом страдал, а душою. Малейшее бедствие, все равно действительное или притворное, производило на него глубочайшее впечатление, и душа его болезненно отзывалась на всякую чужую печаль. При таком стремлении помогать ближним, не удивительно, что он всегда был окружен лицами, вызывавшими о помощи. Вскоре щедроты его нанесли значительный ущерб его благосостоянию, ни мало не умерив его мягкосердечия; напротив, оно даже возрастало по мере того, как таяло его богатство. Становясь бедняком, он делался все неосторожнее, и хотя по речам его еще можно было принять за разумного человека, но действовал он совсем как глупец. Между тем просители продолжали теревить его, и когда ему нечем было удовлетворить их, вместо денег он начал раздавать обещания. Больше он ничего не мог дать им, а огорчить кого бы то ни было отказом он не решался. Таким образом, вокруг него скоплась масса людей, ожидающих подачки, и, при всем желании помочь, он заранее знал, что доставит им одно разочарование. Эти люди продержались около него некоторое время, но наконец, отстали, справедливо осыпав его упреками. Но, по мере того, как другие перестали его уважать, он и в собственных глазах становился презренным. Он привык опираться на лесть окружающих, и когда эта опора исчезла, он уже не находил удовлетворения в созна-

нии собственной правоты, потому что никогда не справлялся с голосом своей совести. С этих пор мир представился ему в совсем ином виде. Мало по малу лесть приятелей обратилась в простое одобрение. Потом и одобрение сменилось дружескими советами, а когда он этим советам не внимал, то они принимали форму упреков. Из этого он заключил, что дружба, приобретаемая благодеяниями, не стоит уважения; он нашел, что действительно овладеть сердцем своего ближнего можно только с условием отдать ему свое собственное сердце. Я нашел, что... что... Я позабыл, что хотелось сказать. Ну, словом, он решился возвратить себе собственное уважение и составил ним, как восстановить свое состояние. Для этой цели он, со свойственным ему чудачеством, всю Европу обошел пешком. В настоящее время ему не более тридцати лет от роду, и его имение в лучшем состоянии, чем когда либо. Он стал гораздо разумнее и умереннее в раздаче своих щедрот, но продолжает жить чудачком и находит наиболее приятным упражняться в таких добродетелях, которые наименее обыкновенны.

Мое внимание было так поглощено рассказами мистера Борчеля, что я позабыл смотреть вперед на дорогу, как вдруг крики моего семейства заставили меня оглянуться, и что же я увидел! Младшая дочь моя упала с лошади среди быстрого ручья и боролась с разлившимся потоком. Уже два раза она скрывалась под водой, а я никак не мог выпутаться, чтобы вовремя подать ей помощь. Я был так глубоко потрясен этим зрелищем, что даже не был в состоянии что либо предпринять для ее спасения, и она, наверное, утонула бы, если бы мой товарищ, заметив опасность, не кинулся немедленно в воду и, не без труда вытащив ее из реки, не доставил в сохранности на противоположный берег.

Проехав немного далее, остальное семейство благополучно перебралось в брод по более удобному месту, и тут мы могли присоединить ваши благодарения к выражению ее признательности. Насколько она была благодарна, можно скорее вообразить, нежели выразить словами: так она и делала, глядя на своего спасителя признательными глазами и продолжая опираться на его руку, как бы желая подольше пользоваться его помощью. Жена моя выражала надежду когда-нибудь отблагодарить его за услугу ласковым приемом под нашею гостеприимной кровлей. Отдохнув в ближайшей гостинице, мы пообедали вместе с мистером Борчелем и, так как отсюда путь его лежал в другую сторону, простились с ним и отправились далее. Когда мы с ним расстались, жена моя объявила, что он ей как нельзя более по душе, и будь он по рождению и состоянию под стать нашему семейству, она бы не прочь даже породниться с ним. Я не мог удержаться от улыбки, слыша, как она свысока рассуждает об этом предмете; но и не думал сердиться на такие невинные претензии, зная, что с помощью их нам легче живется.

IV

Нет того скромного положения, в котором нельзя бы найти счастья, ибо оно зависит не столько от обстоятельств, сколько от наших свойств.

Новое место нашего жительства находилось в небольшой общине, состоявшей из фермеров, которые сами обрабатывали землю, и если были незнакомы с роскошью, то не ведали и нищеты.

Так как почти все необходимое для домашнего обихода они производили сами, то им редко приходилось ездить в город за покупками. Изысканным образованием они не отличались, но сохранили первобытную простоту нравов и, будучи умеренны во всем, едва ли даже знали, что трезвость почитается добродетелью. Они усердно и весело работали в будни, но тем охотнее соблюдали праздники, посвящая их досугу и удовольствиям. На Святках они пели песни, на Валентинов день рассылали бантики, известные под именем «любовных узелков», пекли блины на масленице, изощрялись в остроумии на 1-е апреля и благоговейно щелкали орехи накануне Михайлова дня. Предупрежденные о нашем приезде, все приехавшие вышли навстречу своему духовному отцу, разряженные по праздничному и, имея во главе шествия флейту и тамбурин. Ради новоселья приготовили нам и обед, за который мы весело уселись; и хотя беседа была не особенно остроумна, зато много смеялись.

Наш домик расположен был у подножия холма, по склону которого за двором росла красивая роща, а внизу, перед домом, протекала веселая речка. С одной стороны расстилось поле, с другой – зеленое пастбище. Мой участок состоял из двадцати акров превосходной земли, за которую я уплатил сто фунтов моему предшественнику. Ничто не могло быть опрятнее и аккуратнее моих заборов и оград, а большие вязы и живая изгородь казались мне невыразимо прелестными. Дом был одноэтажный и крыт чесаной соломой, что придавало ему удивительную уютность; внутри стены были оштукатурены и выбелены, и дочери мои предприняли непременно украсить их картинами собственной работы. Одна и та же комната служила нам кухнею, гостиной и столовой, но от этого нам было только теплее. К тому же она содержалась в образцовой чистоте и вид блюд, тарелок и медной посуды, блестящей как золото и в порядке расставленной рядный на полках, был так приятен для глаз, что заставлял позабывать о более роскошном убранстве. Кроме этой комнаты, у нас было еще три: в одной поместились мы с женою, в другой наши дочери, а в третьей на двух кроватях спали остальные дети.

В этой маленькой республике, которой я был законодателем, время распределялось следующим образом. С восходом солнца все мы собирались в общей комнате, где еще до нашего прихода служанка разводила огонь. Мы здоровались друг с другом, как следует, ибо я всегда считал полезным поддерживать некоторые механические привычки благовоспитанности, без которых семейные отношения становятся слишком вольны и неприятны; затем мы возносили благодарственную молитву Тому, Кто даровал нам еще день жизни. Исполнив этот долг, мы с сыном шли работать в поле и в саду, а жена моя и дочери принимались готовить завтрак, который всегда у нас подавался в определенное время. Полчаса полагалось проводить за завтраком и час за обедом. За столом обыкновенно наши дамы вели невинные, но шуточные разговоры, а мы с сыном предавались беседам философского свойства.

Вставая вместе с солнцем, мы кончали труды наши по закате его и возвращались домой к ожидавшей нас семье. Тут нас встречали улыбающиеся лица, прибранные комнаты и приятный огонь на очаге, не обходилось и без гостей: то, бывало, зайдет фермер Флемборо, ближайший и самый болтливый из наших соседей, то слепой флейтист; и мы угощали их смородиновой наливкой, ни рецепт, ни репутация которой не были утрачены. Эти безобидные гости старались с своей стороны доставить нам удовольствие: один умел играть на флейте, а дру-

гой распевал трогательные баллады, как например, «Последнее прости Джона Армстронга», или «Жестокую Барбару Аллен». Вечер заканчивался так же, как начиналось утро, причем младшие сыновья мои должны были поочередно читать молитвы, и тот из них, который читал громче, внятнее и лучше, получал право положить в кружку для бедных полпенни, которое и вручалось ему в воскресенье.

По воскресеньям наступало у нас франтовство, против которого тщетно старался я издавать разумные законы. Сколько я ни произносил проповедей против гордости, но суетность дочерей своих не мог побороть и убеждался, что они втайне все также пристрастны к прежнему щегольству, все также любят кружева, ленточки, бусы и крахмальные оборки; да и жена моя страстно держалась за свое пунцовое пу-де-суа, потому что я когда-то говорил, что оно ей к лицу.

Особенно раздосадовали они меня в первое воскресенье. Накануне вечером я сказал дочерям, чтобы они пораньше одевались утром, потому что любил забираться с семьей в церковь раньше всех прихожан. Они в точности исполнили мое желание, но когда все мы собрались к завтраку перед уходом в церковь, оказалось, что и жена, и дочери мои явились во всем великолепии своего минувшего величия: волосы их были крепко на помажены и хитро причесаны, лица испещрены мушками, а длинные шлейфы их платьев сзади подобраны в пышные кучи, которые шуршали при каждом движении. Я поневоле улыбнулся, глядя на их тщеславие, смеясь в особенности на жену, от которой в праве был ожидать более благо-разумия. Тогда я прибег к невольной уловке и, с важным видом обратясь к сыну, приказал ему сказать, чтобы подавали карету. Дочери очень удивились такому распоряжению, но я настойчиво повторил его с еще большею торжественностью.

— Милый мой, ты, верно, шутишь? — воскликнула моя жена: — разве мы не можем дойти пешком? Нам никаких карет больше не нужно.

— Ошибаешься, дружок, — возразил я; — карета нам необходима, потому что, если мы в таком виде отправимся пешком по деревне, нам даже от ребятишек проходу не будет, нас осмеют.

— В самом деле? — сказала жена моя. — А я-то всегда воображала, что и мой Чарльз любит, когда его дети чистенькие и нарядные.

— Чистенькие — сколько угодно, — сказал я: — чем вы будете опрятнее, тем для меня милее; но ведь это не опрятность, а побрякушки. Все эти сборки, мушки, да фестоны только на то и годятся, чтобы возбудить к нам ненависть всех соседок нашего прихода. Нет, дети мои, продолжал я еще серьезнее: — нужно переделать ваши платья на более простой фасон: такое щегольство вовсе не пристало людям, которым дай Бог поддержать хоть приличие. Для меня еще далеко не решенный вопрос, насколько такая пышность позволительна даже богачам, тогда как, по самому простому расчету, всех нищих можно бы одеть ценою одних отделок, употребляемых на модные платья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.